

«Без галстука» № 78 с Юрием Батуриным. Часть 2

ОТ РЕДАКЦИИ: ПИР-Центр публикует вторую часть интервью в формате «Без галстука» с Юрием **Батуриным** – помощником Президента России Б.Н. Ельцина по правовым вопросам и по национальной безопасности (1993 – 1996 гг.), секретарем Совета обороны (1996 – 1997), ученым, членом-корреспондентом РАН, летчиком-космонавтом и Героем Российской Федерации.

Из этой части интервью вы узнаете о ключевых вопросах глобальной безопасности в период нахождения Юрия Михайловича на должности помощника Президента России по национальной безопасности, о роли книг и фильмов в его жизни. В интервью вы также узнаете почему, по мнению гостя интервью, Президент России Борис Николаевич Ельцин был против его полета в космос и почему полет все же состоялся в августе 1998 года. В конце интервью Юрий Батурин дал совет для молодых специалистов, которые только начинают свой профессиональный путь в области международной безопасности.

Интервью провел Артем **Аствацатуров**, стажёр ПИР-Центра.

«Никогда не сдавайся!»

Соглашение «ВОУ-НОУ» и развитие российско-американских отношений

Соглашение об использовании высокообогащенного урана было подписано в Вашингтоне 18 февраля 1993 года. Я стал помощником Президента по правовым вопросам 2 июня 1993 года. Так что договаривались по этой теме без меня. Но дальше, конечно, начались реальные проблемы, с которыми приходилось сталкиваться.

Любое соглашение по чувствительному вопросу между крупными державами не может быть односторонне выгодным только одной и невыгодным другой стране, поэтому и с одной и с другой стороны, обязательно появляются сомнения, и особенно, сомнения постфактум, когда уже исследователи начинают интерпретировать соглашение в контексте материала, который они теперь знают, а прежде не знали. И это совершенно нормально. На тот момент для Российской Федерации, которой всего-то два года тогда исполнилась, это соглашение было важным, потому что соглашение с таким стратегического масштаба государством, как Соединенные Штаты, всегда лучше, чем отсутствие такового соглашения, как мне кажется.

Покупку российского урана осуществляла американская компания United States Enrichment Corporation (USEC). Эта корпорация, которая располагалась в штате Мэриленд, имела огромный опыт по всему миру и с нами впервые стала работать. Однако, при практическом осуществлении соглашения стали проявляться минусы, которые не были учтены при его заключении. Безусловно, всё нельзя предусмотреть заранее, но что-то можно было

предвидеть. Это соглашение, на мой взгляд, готовилось в спешке, из-за чего не всё было предусмотрено. По соглашению корпорация должна была оплачивать лишь 2/3 поставляемого урана, а 1/3, её называли природной компонентой, подлежала оплате лишь после использования или продажи третьей стороне. Вот вопрос по поводу природной компоненты и возник. Это была реальная проблема. Как она разрешилась? Российская сторона предложила, что сама будет продавать природную компоненту и, соответственно, поставила вопрос о признании права собственности на эту 1/3 урана за Россией. Американская сторона пошла навстречу России, что было очень важно в то время. Не конфликт создавать, а решать проблему. Американская сторона пошла навстречу требованиям России, и в 1996 году Конгресс США принял специальный закон о приватизации компании USEC, согласно которому признавалась российская собственность на природную компоненту и разрешалась его продажа на рынке США, начиная с 1998 года. Более того, американцы тогда согласились оплатить весь поставленный уран в 1995–1996 годах российской стороне. Помимо этого, у USEC появился мощный конкурент в лице АО «Техснабэкспорт», подразделения Минатома, то есть, ситуация для американцев складывалась менее выгодная, чем для нас. Мне кажется с высоты времени, что было и полезно, и важно российской стороне заключить соглашение «ВОУ-НОУ» в те годы.

«Россия полностью выполняла свои обязательства по Конвенции о химическом оружии»: проблема незаконного вывоза российского химического оружия

«Новичок» – не отдельный боеприпас, а семейство фторфосфорорганических азоторганических отравляющих веществ нервно-паралитического действия. Разрабатывались в СССР с 1970-х годов и до начала 1990-х годов в России. В 1994 году, когда я стал помощником Президента по национальной безопасности, вопрос о «Новичке» даже не вставал, потому что эта разработка была прекращена — и не мной, а до меня, еще до распада Советского Союза. Но в 1993 году появилась информация о «Новичке-7». Надо сказать, что «Новичок-7» на вооружении в РФ не стоял, а продолжал ли он разрабатываться в других странах или нет – точно сказать не могу. Думаю, что такая вероятность была, но если такая разработка производилась, то скорее всего, в частном порядке, с целью продажи кому-то для извлечения прибыли. Такое могло быть. В 1990-е годы были серьезные опасения возможных поставок химического оружия Сирии с учетом геополитической обстановки на Ближнем Востоке.

В 1993 году, еще до того, как я стал помощником по правовым вопросам, и тем более помощником по национальной безопасности, генерал Анатолий Кунцевич был представителем Российской Федерации в Сирии, в экологическом центре, а чем он там занимался, сказать не могу, потому что у меня не было никакого доступа к соответствующим документам в то время. Однако, я знаю, что в 1994 году, когда я уже был помощником по национальной безопасности, Федеральная служба контрразведки занималась делом группы

лиц, в составе которой был и генерал Анатолий Кунцевич. Было выявлено, что данная группа переместила в одну из стран Ближнего Востока, по всей видимости в Сирию, несколько сот килограммов веществ, необходимых для изготовления отравляющего оружия. Проводилось расследование, может быть, даже дело возбуждено о незаконном вывозе веществ так называемого двойного назначения. Я отчетливо помню, что вывоз этих веществ был предотвращен в 1994 году, но это было самое начало моей работы, я еще не был глубоко погружен в тему. А в 1995 году генералу Анатолию Кунцевичу было предъявлено обвинение в попытке контрабанды по результатам расследования и взята подписка о невыезде.

Следовательно, опасения о возможных поставках химического оружия в Сирию были небезосновательными, но здесь очень четко нужно разделить акторов, кто чем занимался и кто пытался делать деньги на всём, что угодно. Один из вопросов, которым я занимался, – химическое разоружение. Я объехал все центры, где хранилось химическое оружие, осмотрел все: где и как оно хранится, условия, недостатки. Могу сказать, что Россия делала все, что требовалось по Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 года. Таким образом, опасения, о которых мы только что с вами говорили, не являются следствием государственной политики Российской Федерации, а вызваны попытками обогащения разных лиц, располагавших доступом к тем или иным ресурсам. Примеров такого рода тогда было предостаточно.

Из политики – в космос

В 1996 году, после выборов Президента стало ясно, что приходит новая команда, нацеленная на значимые места в президентской администрации, а следовательно, эти места будут ей предоставлены. Пора было подумывать, куда уходить.

Я для себя решил, что буду возвращаться в космонавтику, в которой я вырос и долго работал. Выбрав удачный момент, я пришел к Борису Николаевичу, чтобы заранее обговорить с ним свой предстоящий уход. Чтобы без взаимных обид. Наступают новые времена, новая эпоха, – сказал я ему, – понимаю, что многое меняется, сменяются и люди, и скоро на мое место придет другой человек. Я к этому отношусь совершенно спокойно, нормально. Механизм власти я себе хорошо представляю. Хотел бы вернуться к своей профессии, в космонавтику, и вновь попытать счастья в отряде космонавтов, куда мне не удалось попасть, когда я работал в «Энергии».

Борис Николаевич оказался благорасположен к такому разговору. Он сказал, что меня понимает. «У меня было две мечты: сходить в поход на подводной лодке, а в 1960-х – слетать в космос, – поделился он со мной доверительно. – Но увы, ни то, ни другое не имело шансов на осуществление». Я ушел от него воодушевленным, Борис Николаевич меня понимает, и

я смогу уйти, подготовившись. Однако никаких конкретных планов еще не было. А на следующий день меня уволили.

Не думаю, что Борис Николаевич Ельцин так уж не хотел, чтобы я полетел. Скорее всего, на него повлияло близкое окружение. Скорее всего, логика была такая: все люди, как люди, уходят в банки зампредами или послами едут, а этот выпендривается.

И я пошел в Центр подготовки космонавтов, принес туда трудовую книжку. Так что ошибаются, когда говорят, что помощник Президента полетел в космос. Да, бывший помощник. Я снова сам распоряжался своей судьбой, сам сделал выбор. Меня приняли на работу, зачислили на должность, и я начал подготовку, сдавал экзамены. Потом наступил критический момент. Дело было 12 июня 1998 года. Я уже давно не работал в администрации, но меня еще по старой памяти приглашали на государственные приёмы. Собственно, приглашений было всего два: на новогодний прием и на этот, на День России.

На космодроме Байконур

(Фото из личного архива)

Итак, 12 июня 1998 года прихожу на приём, а для отставников (для небольшой группы людей, уже не работавших у Бориса Николаевича, но которых ещё приглашали, и я среди них) был выделен один стол, самый дальний по диагонали от стола Президента.

Отставники стояли за нашим столом, отмечали праздник, выпивали по рюмочке, а я не мог, пил только воду, потому что на следующий день, 13 июня, должен был проходить предполетную государственную медицинскую комиссию, она должна была допустить или не допустить меня к полету, который был запланирован на август.

И вот вижу, что Борис Николаевич выходит из-за своего стола и направляется прямо к нам, ровно по диагонали, рассекая толпу по пути. Из-за нашего стола все бросились навстречу Президенту поздравлять с праздником, а я остался за столом. Стоял там в одиночестве с бокалом воды. Он подходит ко мне, чокается и говорит: «В космос... (пауза) нет». Видя по моему улыбающемуся лицу, что я не понял, что он повторил: «В космос... (опять пауза) не пушу!» А рядом, вокруг него, все начальство, включая и руководство Федерального космического агентства.

Вот тут-то меня и проняло. Я спал с лица, понял, что моей мечте приходит конец. Но меня из ступора вывел Сергей Степашин. «Ну-ка, пошли отсюда», – сказал он и увел меня в другой корпус, там еще оставались помощники Президента, с которыми я раньше работал. Мы зашли в один из кабинетов, Сергей налил мне фужер водки и приказал выпить.

Я лепетал, что не могу, у меня медкомиссия завтра, но он заставил меня. Махнул я этот фужер до дна, и понемногу меня стало отпускать. Сергей Степашин, прощаясь, сказал: «Да, ладно... Не обращай внимания. Есть у тебя цель, вот и иди к ней».

Степашин мне очень помог, и на следующий день я прошел медкомиссию без сучка и задоринки. Меня допустили к полету, но начались мучительные два месяца, когда я каждый день ждал, что меня снимут с полета. И мучительными они были главным образом не потому, что меня снимут, а снимут, скорее всего, экипаж целиком. А ребята-то в чем виноваты? Поставят на полет дублирующий экипаж, и все. А ребята мои, члены экипажа, они ни сном, ни духом, но не полетят. Для Сергея Авдеева это был бы уже третий полет. А для Геннадия Падалки первый, как и для меня. Но я решил вести себя так, будто ничего не было, буду продолжать готовиться, как требуется, и иду вперед, но мысль-то, она все равно «свербит».

Я никому ничего не говорю, ни с кем не делюсь, с членами экипажа тоже. Я им рассказал все, уже на орбите. «Да, Юра, мы заметили, что ты летом стал другим, – подтвердили они, – но отнесли это на счет предполетного волнения».

В те месяцы постоянно высчитывал момент, когда меня уже нельзя будет снять с полета. И все время получалось: за 40 минут до взведения системы аварийного спасения (САС), потому что, когда САС взведена, в корабль уже никто не полезет – уже нельзя. То есть, за 40 минут до старта. Циклограмма подготовки ракеты к старту такова, что экипаж садится в корабль за два часа. Эти два часа мы ждем старта, но люк могут и открыть. У Юрия Алексеевича Гагарина открывали же люк, но там по другой причине. Могут открыть и сказать: «Вылезай, парень».

Но в жизни все оказалось проще и лучше. В корабле об этом уже и не думал. Уверенность, что все будет хорошо, пришла ко мне накануне вечером, после традиционного просмотра фильма «Белое солнце пустыни». Мы посмотрели фильм, и я полностью успокоился.

Почему не было выполнено решение об отмене моего полета

Я сам долго размышлял, почему так произошло. В тот день, 12 июня вечером мне прислали из Центра подготовки космонавтов по факсу рисунок с цаплей, которая заглатывает лягушку, а лягушка лапками схватывает шею цапли и сдавливает ее. И надпись: «Никогда не сдавайся!». Подписи не было, но сверху пропечатались данные отправителя – аббревиатура ЦПК на английском языке. Я храню эту бумагу до сих пор – она меня очень поддержала и очень помогла, и я очень признателен Центру подготовки космонавтов.

Никогда не славайся

Факс из ЦПК 12 июня 1998 г. (Из личного архива)

Принять решение об отмене моего полета было в компетенции Федерального космического агентства, руководителем которого был Юрий Николаевич Коптев. Он, кстати был на приеме и слышал, как Президент выразил свое отношение к моему предстоящему полету. Он мог отреагировать верноподданнически, и по-человечески, и формально. Он поступил очень по-человечески, хотя и воспользовался формальной стороной дела. Я ему тоже очень благодарен. Он чиновник и не обязан, как чиновник, реагировать на тосты, что бы в них не содержалось. Мало ли какие игры разворачиваются наверху. Он должен реагировать на указания, поступающие в виде формального документа с соответствующей подписью, а из администрации Президента такие бумаги не поступали. Это не он мне это рассказывал, но это моя аналитика, основанная на содержании моих бесед *postfactum* с сотрудниками Администрации Президента. Уже потом, после полета я долго восстанавливал эту ситуацию.

И вот здесь самое интересное: в мое время, то есть до изменения структуры Аппарата помощников и Администрации после выборов 1996 года, помощники были обособлены, они работали автономной группой, и руководитель Администрации Президента не имел полномочий давать им указания. Каждый раз, куда бы Борис Николаевич ни поехал, на какое-либо мероприятие, в какой-либо город, с ним обязательно должен находиться, хотя бы один из помощников по соответствующему направлению. В задачи этого помощника входило, в числе прочих организационных функций, всегда находиться рядом с Президентом и записывать все его устные указания. По возвращению в Кремль, помощник перекладывает их на бумагу, несет в канцелярию, там распечатывают текст на бланке поручений, дают на подпись, потом ставят номер и дату. Любое указание Президента

проходило такую процедуру, и те, кто получил поручение, выполняет его, исполнение отслеживается Контрольным управлением Президента. Пока нет бумаги, в бюрократической системе выполняться ничего не будет. Но описываемый сюжет развивался в переходный период, что и предопределило результат. Переходные периоды вообще очень интересны – в истории, в жизни, во всем. Что такое переходной период? Все идет не так. Когда вы, скажем, захотите включить лампочку, возьмете вилку, сунете ее в розетку, у вас отнюдь не потечет сразу красивый правильный синусоидальный переменный ток, а сначала возникнут случайные колебания, отчасти хаотические – это и есть переходный процесс.

Ребята, которые пришли нам на смену, неверно воспринимали должность помощника как малозначимую, мол, портфель за шефом носит. И захотели стать заместителями руководителя Администрации Президента. Тогда их число сильно выросло, а помощников наделили несколько иными функциями. Рядом с Президентом-то заместители Администрации находились, но каждое слово записывать – не царское это дело! Поэтому «в космос не пущу», сказанное президентом не отразилось в письменном виде никак и нигде, и никому не поступило на исполнение с номером и печатью. Никому! А Борис Николаевич привык, что исполняется все им сказанное, даже мельком брошенное, а исполнение контролируется и проверяется. Он был убежден, что если он что-то сказал, то так и будет и выбросил эту историю из головы, потому что она-то его не очень занимала. Были другие проблемы поважнее. «Что ему Гекуба?» Что ему какой-то космос? Вычеркнул из памяти, понимая, что уже сделал свое дело, он *сказал*. Те, кто инициировали этот запрет, также не вникали в суть того, как процесс протекает дальше. Вот так не исполнилось указание Президента.

Отношения с Борисом Николаевичем Ельциным

Владимир Николаевич Шевченко, руководитель протокола Президента, понимал, что Борис Николаевич со мной расстался как-то не очень красиво, решил восстановить былые добрые отношения и устроил мне аудиенцию у Президента. Встреча состоялась задолго до эпизода 12 июня 1998 года. На встрече я получил фотографию с его автографом, не мне персонально адресованным, одна только подпись. Таких фотографий в рамочках десятки оставались после выборов 1996 года. Но не фотография была главной на встрече. Президент предложил мне поехать Послом в НАТО, которую позже (2008–2011) занимал Дмитрий Рогозин. В те времена должность Посла в НАТО выполнял Посол в Бельгии, а им был тогда Виталий Чуркин, замечательный дипломат и очень хороший человек. У меня с ним были прекрасные отношения, и зачем мне переходить ему дорог? К тому же я прекрасно понимал: проработаю там 3–5 лет, меня вернут в Москву, и буду я в ранге посла по особым поручениям сидеть в кабинете на три стола долго-долго. Я же не карьерный дипломат, вряд ли меня снова пошлют в какую-нибудь страну. Наконец, ошалевший от скуки, уйду сам. Эти картинки мгновенно

всплыли в мозгу, и я сразу отказался. Но внутренняя мотивация отказа была иной. Я, что называется, закусил удила. Уволили меня без предупреждения даже, что ж, ладно, я сам буду определять свою судьбу. Не надо мне теперь помогать. Если бы сразу, а сейчас уже не надо.

Президенты не любят, когда им говорят: «нет». Возможно, это было одной из причин, почему он 12 июня ко мне подошел и сказал: «в космос не пущу».

А после полета, в 1999 году, произошла замечательная история. Владимир Николаевич Шевченко прислал мне пригласительный на государственный прием в честь Дня России, 12 июня. Официально меня тогда уже не приглашали, Владимир Николаевич использовал собственные возможности руководителя протокола. Он попросил меня встать в Георгиевском зале у центрального прохода и предупредил, что подведет Президента ко мне, чтобы мы пожали друг другу руки.

13 августа 1998 г.

(Фото из личного архива)

Наступает время, когда все речи сказаны, и Борис Николаевич идет по залам, заходит в Георгиевский зал. Вокруг телевизионщики, конечно, все снимают. И он, проходит зигзагом между левым и правым рядами столов, змейкой идет. Владимир Николаевич, корректируя частоту поворотов, подводит Президента ровно к точке, где я стою. Борис Николаевич подает мне руку, я отвечаю на рукопожатие.

Шевченко говорит Президенту: «Борис Николаевич, это **Батурин**». Ельцин тогда короткими фразами говорил: «Гляжу... (Пауза). Стоит... (Пауза). Ракета.... (Пауза). И он рядом... (Длинная пауза). Потом – раз и улетел», – Президент повернулся и пошел дальше. Такая была сцена. Телевизионщиков много там было. Все надеюсь, у кого-то из них сохранилась запись. Со стороны интересно было бы взглянуть.

Когда Борис Николаевич перестал быть Президентом, он раз в год приглашал помощников к себе в Ново-Огарево на чай, и мы там сидели за столом и разговаривали. Приехав на очередную встречу, я привез ему фотографию, которую сделал в космосе, большого формата, под стеклом, в рамке, со своей подписью. Начал с обращения: «Глубокоуважаемый Борис Николаевич!..» и дальше, как положено. Ответил на автограф.

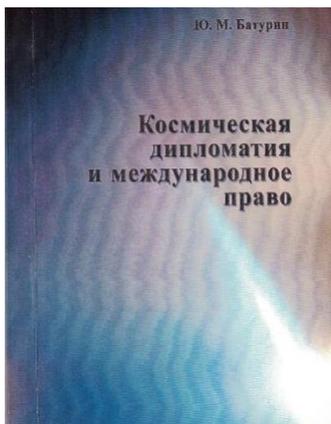
Для меня космос – слияние профессии и жизни

Что значит для меня космос? В студенческие времена, когда я ещё учился на Физтехе, я сделал осознанный выбор – принял решение идти в космонавтику. Тогда все мы стремились к исследованиям на грани неведомого. Хотелось бы заглянуть в неведомое, но не получается. И вдруг получилось: человек вышел на эту грань и может туда заглянуть. Космос – самая наглядная метафора неведомого. Это и было мотивом выбора космонавтики. Если бы сегодня стоял вопрос, то я бы выбрал не космонавтику. Она становится обыденностью, достаточно развитой отраслью, и исследований там много, но неведомое отодвинулось Бог знает куда. Сегодня я бы выбрал нейронауку. Мозг – вселенная, полная неведомого, которое исследовать и исследовать весь XXI век.

Космос для меня сегодня – совсем не тот космос, который я выбирал когда-то, но это тот космос, в котором я жил, работал, летал, думал и чувствовал. То есть, это моя жизнь. Космос и сейчас в профессиональном плане – моя жизнь. Хотя у меня несколько профессий, но я и сейчас продолжаю работать в области космонавтики. Я профессионально занимаюсь историей космонавтики, пишу книги о космонавтике, о космосе, готовлю научные и журналистские статьи, поэтому для меня космос сейчас – слияние профессии и жизни. Так бывает и в других профессиях, например, если ты разведчик, то твоя профессия – это твоя жизнь, и никак иначе. Так и здесь.

Летчик-космонавт РФ Юрий Батурина

Книги Юрия Батурина

О моих увлечениях и хобби

*Блиц в шахматы, 1987
(Фото из личного архива)*

Мои увлечения быстро менялись, и я бы даже сказал, что они постепенно исчезали. Я любил играть в шахматы, но уже в институте понял, что шахматы, конечно, не хобби, а очень серьёзное занятие, и нужно либо заниматься шахматами по-настоящему, либо освобождать время для более приоритетных занятий. Какое-то время шахматы оставались хобби в виде блица с друзьями, но теперь времени на них нет совсем.

Чтение – это... тоже вряд ли можно назвать хобби, хотя и очень важное дело. Чтение – это самообразование, самовоспитание, это настройка своего мышления.

И, кстати, мне жалко, что сегодняшние молодые люди книги не читают, а если читают, то они читают их в электронной форме на экране. Да и тексты, которые они читают по размерам не сравнимы с масштабом книг. Ну, не читают и ладно, их дело... Но жалко, что без книг у них мозг будет формироваться по-другому. Не говорю, что это плохо. Но все-таки нашу культуру, в том числе и техническую, создали люди, которые читали книги. А создадут ли они что-то без книг?

Последние лет тридцать мое хобби – фотография. Но и она уходит. Время, время... Его все меньше.

Про книги

Для меня знаковый писатель – Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, практически земляк. В его деревне Спас-Угол служил в церкви один из рода священников Белюстиных. Как писатель Щедрин велик: он описал все, что в России было, все, что в России есть и все, что в России еще будет. Одна из моих любимых повестей Михаила Евграфовича – «Дневник провинциала в Петербурге». Там он, в частности, предсказал реформу Академии наук 2013 года, о которой мы говорили и даже описал ее. Прочитайте там сюжет «О перестроении де сиянс академии». Всё, что там написано, произошло в 2013 году.

Портрет М.Е. Салтыкова-Щедрина в космосе (Фото из личного архива)

Второй автор, который сильно повлиял на мое мышление и видение мира – Льюис Кэрролл. Начал я в детстве с «Алисы в стране чудес». Потом прочитал все его произведения – не только романы и стихи нонсенса, но и публицистику, работы по математике и логике.

Безумное чаепитие. С известным кэрроловедом Н.М. Демуровой на выставке (2008), посвященной Льюису Кэрроллу (Фото из личного архива)

Вот два писателя, которые ведут меня по жизни. Но это не значит, что Алиса или мужик, который трех генералов накормил [**прим. ред.** – Салтыков-Щедрин М.Е. «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»], для меня главные герои, которым я подражаю. Кстати говоря, удивительно, но они [**прим. ред.** – Михаил Салтыков-Щедрин и Льюис Кэрролл] родились в один день, 27 января, но в разные годы.

Про фильмы

Были хорошие военные фильмы, которые снимались людьми, прошедшими войну и знающими, что они снимают. После детства фильмов, которые бы меня серьезно зацепили, пожалуй, нет. Мне в фильмах всегда не нравилась какая-то искусственность. Я раньше не понимал, в чём дело, но чувствовал, что-то там не так. Зато сегодня, когда попадают современные фильмы о прошлом, вижу, что киношники вообще не знают время, в котором происходит действие фильма, и не понимают профессии и события, о которых пытаются рассказывать. В фильмах о войне все в чистенькой, с иголочки военной форме (часто неправильной), с модными современными прическами, покрашенные сверх меры женщины в окопах и т.д. Искусственность превратилась в полнейшую безграмотность. Из-за ненатуральности очень не любил мультфильмы, в отличие от других детей. Когда кто-то из моих сверстников произносит какую-нибудь цитату из популярных мультфильмов, я не знаю, о чем речь. Мультфильмы принципиально не смотрел.

В фильмы, как правило, не закладывают намеренной дезинформации, но из них просто выпячивается излишняя самоуверенность создателей. Часто режиссёры следуют неопровержимому принципу «Я так вижу» или «Так будет *несмотрительно*, надо сделать эдак!».

Меня, бывало, приглашали в качестве научного консультанта некоторых документальных фильмов. Приходишь, рассказываешь, потом смотришь материал, объясняешь, что получилось не так. Потом включаешь телевизор, смотришь готовый фильм и... хватаешься за голову! Что же вы сделали? Я же вам объяснял... Меня теперь, как консультанта, специалисты засмеют. А наплевать! Пришел продюсер, посмотрел и сказал, что так будет *несмотрительно*. Приходится делать, как он скажет, ведь продюсер! Такая самоуверенность и придает многим фильмам неестественный характер.

Однако, пожалуй, все же могу назвать фильм, который важен для меня – «Солярис» Андрея Тарковского. На меня он произвел впечатление не сразу, потому что в юности я его почему-то воспринимал как фильм про полет в космос. И только позже понял, что он про то, что глубоко прячут в душе. Я руковожу кафедрой в МГУ, и когда читаю студентам лекции по искусственному интеллекту, начинаю их с анализа «Соляриса» – фильма и роман Станислава Лема. (Кстати, в каждой студенческой группе не более одного человека видели фильм, и практически нет читавших роман Лема). «Солярис» пытался имитировать человека, создать искусственный интеллект, говоря современной терминологией.

Можно назвать еще два-три фильма, но не больше. Ничтожно мало для всей жизни.

Активный отдых

Что такое отдых? Отдых – это смена деятельности. Я все время меняю род деятельности и получается, что всю жизнь отдыхаю.

Очень люблю море и горы. Последний раз я был в горах, когда мы с академиком Фортовым и с академиками Каляевым и Бугаевым ходили на Эверест, но не на вершину, конечно, но к его Южному базовому лагерю – это все-таки 5364 метра. Это было прощальный горный поход, мне в тот год 60 исполнялось, то есть полтора десятка лет назад. Поднялись к базовому лагерю 12 апреля. Вот как вот бывает!

*Эверест. Южный базовый лагерь. 2009
(Фото из личного архива)*

Примерно мы знали, что окажемся там в апреле. А в это время мой первый командир, Геннадий Падалка, с которым мы стартовали в 1998 году в космос, работал на Международной космической станции.

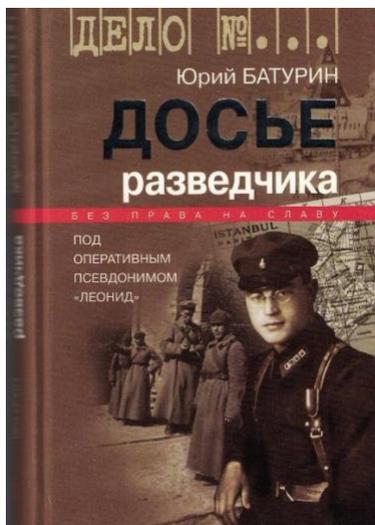
Установили связь, и он тогда мне сказал: «Юра, ты сейчас ближе ко мне, чем все другие!». Все потому, что я был на пять с лишним тысяч метров выше остальных. Сейчас серьезные горы для меня уже недоступны, а вот лес и море потенциально – да. Но море – только в отпуске, то есть раз в год. Лес – это хорошо. Лес близко, под Москвой, рядом. Наверное, надо этот вид отдыха для себя расширять.

*С академиком В.Е. Фортовым в горах. 12 апреля 2009 г.
(Фото из личного архива)*

Мои жизненные принципы и ценности

Мой отец был военным, и когда он уходил в запас, ему не позволили ознакомиться с последней аттестацией. Он подозревал, что там на него есть негатив, и очень переживал, ничего плохого он за собой не числил. Но почему тогда не дают ознакомиться? И он много раз, уже будучи на пенсии, обращался к руководству Комитета государственной безопасности СССР, но безрезультатно. Десятилетия спустя, когда я писал книгу об отце, мне показали его личное дело, и я прочитал его последнюю аттестацию. Прекрасная аттестация! Никакого негатива в ней не было. Так почему не давали ознакомиться? Да просто так. У системы свои принципы, в соответствии с ними она и действует. А отец, уходя, более всего беспокоился о своем честном имени. И для меня важнейшими принципами были, есть и остаются честное имя и репутация. Также знания как высшая ценность. Сегодня высшей ценностью считаются деньги. Я с этим не могу согласиться и продолжаю жить по своим принципам, продолжая считать высшей ценностью – знания.

Книга об отце (2005)

*Е.М. Примаков, В.И. Трубников и ветеран внешней разведки
З.В. Зарубина на презентации книги «Досье разведчика» (2005)*

Когда мне было 24 года, я вдруг отчетливо увидел, как стремительно несутся дни. Исчезают, как вода или песок – сквозь пальцы. Вот, думаю, мне уже 24, а средний возраст – еще два раза по столько. И все! Так и сделать ничего не успеешь. Я понял ценность времени и научился с ним работать, и раньше его хватало. И мой принцип, которым я руководствуюсь с тех пор – не терять времени. Но в моем возрасте запас времени очевидным образом

ограничен, а количество задач растет. Теперь времени всегда будет не хватать. Тем более, нельзя терять времени.

*Юрий Батурич на заседании Международного клуба Триалог, 1993
(Фото из архива ПИР-Центра)*

Не надо скакать сразу во все стороны

Какой совет я бы дал себе молодому?

Школьником прочитал у Стивена Ликока, канадского писателя-юмориста, фразу: «Он вскочил на коня и поскакал в разные стороны». И я тут же понял, что это про меня: и то мне интересно, и это интересно, и это интересно, и я не могу что-то бросить. Так жизнь и прожил.

Так вот, я бы дал себе такой совет: «Не скачи сразу во все стороны. Выбери, ограничь, оставь хотя бы два-три направления». Почему? Если ты не бросаешь что-то из разноплановых направлений, а я никакие не бросал, и тянешь их всех, у тебя накапливаются обязательства в каждой области, а чтобы их выполнить нужно время. Когда время раскладывается по направлениям деятельности, его не остаётся времени на самое главное. Только в молодости впереди бесконечность.

*«... И поскакал в разные стороны».
Возможно, зря. 2020
(Фото из личного архива)*

Только позже понимаешь, что, увы, это не так. Для меня сейчас главное – писать книги. В первую очередь, о том, о чём никто другой не напишет. А я не могу. То есть пишу, но урывками, а книги писать урывками нельзя, в них надо погружаться. Но я не могу себе этого позволить, потому что множество обязательств связывают меня по рукам и ногам.

Совет молодым специалистам

Время – невозполнимый ресурс. Допустим, вы собираетесь заниматься проблемами международной безопасности. Но она стала настолько сложной, что на самом деле, вам надо было начать заниматься ей на пять лет раньше, чтобы успеть освоить все необходимое. А это означает, что вы, по крайней мере, в дальнейшем не должны время тратить попусту. Не стесняйтесь садиться за парту и учиться снова и снова. И не жалейте времени на учебу, потому что знание важнее денег.

Интерес важнее денег. Допустим вы специалист по международной информационной безопасности. Вас могут пригласить, предложить работу и скажут: «Мы сразу кладем 300 тысяч в месяц, а вы делаете вот это и вот это». Серьезно подумайте. Возможно, вас просто покупают. У вас появятся деньги, но окажется утраченной возможной заниматься интересной для вас темой. Научитесь отличать ситуации, когда вас покупают, от ситуаций, которые потенциально богаче возможностями. Найдите то, что вам интересно. Действительно интересно. И тогда вы сможете достигнуть значительно большего (в конечном счете, и денег).

И когда встает вопрос выбора, о котором мы говорили, во-первых, рассчитываете вашу *рацио*, и лишь потом следуйте эмоциональному побуждению. Впрочем, иногда *рацио* и *эмоцио* совпадают.

Наконец, слушайте тех, кто был до вас. Слушайте нас, старшее поколение, но решения принимайте только сами. У каждого своя дорога.

Интервью: Артем Аствацатуров

Редактура: Артем Аствацатуров